

С.Н. Левин

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник,
Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)

К.С. Саблин

к.э.н., доцент, Российский государственный институт сценических
искусств (Санкт-Петербург)

КОНКУРИРУЮЩИЕ ПАРАДИГМЫ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ¹

Аннотация. Статья посвящена сравнительной характеристике классической и неоклассической парадигм в рамках современной политической экономики, которая выступает не как целостная концепция, базирующаяся на единых основаниях, а как совокупность частично пересекающихся конкурирующих концепций. Авторы выявляют их преимущества и ограничения. Классическая парадигма характеризует политическую экономию как науку о накоплении и распределении национального богатства. Экономическое поведение индивидов анализируется в контексте их принадлежности к классам. Государство рассматривается как структура, целевые функции которой отражают экономические интересы классов, а также как относительно независимый арбитр согласования данных интересов. С другой стороны, неоклассическая парадигма характеризует политическую экономию как науку о максимизации полезности отдельными индивидами не только на экономических рынках, но и в политической сфере, характеризующейся наличием такого специфического ресурса, как «власть» в форме легитимного насилия. Их экономическое поведение анализируется в контексте принадлежности к групповым интересам, а государство выступает как сфера, в которой отдельные индивиды и группы интересов реализуют свои предпочтения посредством конкуренции за доступ к ресурсам, недоступным в рамках добровольного рыночного обмена. В целом современная политическая экономика включает в себя как реактуализированную классическую политическую экономию, так и развивающуюся в рамках расширенного мейнстрима новую политическую экономию. При этом можно говорить не только о конкуренции, но и о взаимодополнении этих направлений. Отмечено, что в защитных оболочках их исследовательских программ присутствуют идентичные или близкие по содержанию компоненты: преодоление «разрыва» между исследованием экономики и политики; использование социологического инструментария и эконометрических моделей; практико-ориентированность в рамках разработки нормативных предложений по формированию эффективных вариантов организации политико-экономического взаимодействия.

Ключевые слова: парадигма, исследовательская программа, научная революция, классическая политическая экономика, гетеродоксальные экономические теории, расширенный мейнстрим, новая политическая экономика.

JEL: P51, P52

УДК: 330.88

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_53_67

© С.Н. Левин, К.С. Саблин, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Левин С.Н., Саблин К.С. Конкурирующие парадигмы в рамках современной политической экономики // Вопросы теоретической экономики. 2025. №4. С. 53–67. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_53_67.

FOR CITATION: Levin S., Sablin K. Competing Paradigms Within Modern Political Economy // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 53–67. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_53_67.

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Постановка проблемы

Характерной особенностью современного состояния экономической науки является возвращение проблем взаимодействия экономики и политики в «ядро» экономико-теоретических исследований. При этом идёт встречный процесс. С одной стороны, происходит реактуализация и модификация подходов к исследованию политико-экономического взаимодействия в рамках различных направлений гетеродоксальной экономической теории [King, 2013; Stilwell, 2016]. С другой стороны, в рамках расширенного мейнстрима всё более широкую поддержку получает тезис М. Олсона о необходимости применять в рамках экономико-теоретических исследований «познавательную структуру, способную одновременно охватить проблемы и рынков, и политической организации обществ... экономика служит двигателем политической системы, а политическая система управляет экономикой» [Олсон, 2012. С. 26]. В этой связи можно говорить о формировании предметного поля современной политической экономии в целом. При этом «современная политическая экономия» выступает не как целостная концепция, базирующаяся на единых парадигмальных основаниях, а как совокупность лишь частично пересекающихся конкурирующих концепций. Данная ситуация соответствует поздней версии концепции парадигм Т. Куна, которую известный специалист в области методологии экономической науки М. Блауг характеризует следующим образом: «...для любого периода развития науки характерно одновременное сосуществование большого количества перекрывающих друг друга и взаимопроникающих парадигм; некоторые из них (хотя и не все) могут быть несовместимы; парадигмы не сменяют друг друга внезапно и уж во всяком случае не возникают в полном блеске славы, а добиваются победы в результате долгого процесса интеллектуальной конкуренции» [Блауг, 2004. С. 80].

В случае с современной политической экономией речь идёт о конкуренции и взаимодействии двух парадигм, которые можно определить как «классическую» и «неоклассическую». При этом основополагающие принципы этих парадигм реализуются в рамках совокупности конкурирующих исследовательских программ [Лакатос, 2008. С. 220–221]. Таким образом, цель нашей работы — представить сравнительную характеристику классической и неоклассической парадигм в рамках современной политической экономии.

Классическая парадигма политической экономии: содержание и современное состояние

С нашей точки зрения, классическую парадигму политической экономии необходимо рассматривать в широком смысле слова, не отождествляя её с «классической политической экономией». В отечественной научной литературе выделены подходы к определению парадигмы и исследовательской программы классической политической экономии [Бузгалин, Колганов, 2005; Клисторин, 2014; Ядгаров, 2018]. Однако существуют серьёзные аргументы, позволяющие выделить классическую парадигму политической экономии, которая лежит в основе всего спектра исследовательских программ: от меркантилизма до марксистской политической экономии.

В этой связи необходимо обратиться к содержанию концепции Т. Куна. Последний выделял допарадигмальную науку, научные революции, в ходе которых происходит формирование и смена научных парадигм, и «нормальную» науку [Кун, 2003]. Формирование экономической науки в форме политической экономии можно рассматривать как научную революцию, означающую появление научной парадигмы. Интересно, что А. Смит пишет о том, что: «Политическая экономия, рассматриваемая как отрасль знания, необходимая государственному деятелю или законодателю, ставит себе две различные задачи: во-первых, обеспечить народу обильный доход или средства существования, а точнее, обеспечить

ему возможность добывать себе их; во-вторых, доставлять государству или обществу доход, достаточный для общественных потребностей. Она ставит себе целью обогащение как народа, так и государя. Различный характер развития благосостояния в разные периоды и у разных народов породил две неодинаковые системы политической экономики по вопросу о способах обогащения народа. Одна может быть названа коммерческой, а другая — системой земледелия» [Смит, 2007. С. 420]. «Классическую политическую экономию», особенно в лице «рикардианства», можно рассматривать как период «нормальной» науки, когда сообщество учёных занималось решением головоломок. Марксистская политическая экономика выступила как научная критика «классической политической экономики» в рамках классической парадигмы.

Классическая парадигма политической экономики:

во-первых, характеризует её как науку о накоплении и распределении общественного (национального) богатства;

во-вторых, экономическое поведение индивидов рассматривается здесь в контексте их принадлежности к классам — широким агрегированным социальным группам, занимающим различное место в общественном производстве;

в-третьих, политическая экономика выделяет и анализирует взаимосвязи между развитием национальной экономики и национального государства, экономикой и политикой. Государство при этом рассматривается как структура, чьи целевые функции в экономике, с одной стороны, отражают интересы классов, прежде всего экономически господствующих, а с другой — как относительно независимый арбитр согласования их экономических интересов.

При этом меркантилизм, физиократию, различные школы классической политической экономики, марксизм можно рассматривать как конкурирующие исследовательские программы, отличающиеся структурой «твёрдых ядер» и защитных оболочек [Кун, 2003. С. 269-537]. В рамках гетеродоксальных экономических исследований сформировались концепты политико-экономических исследований, комбинирующие элементы различных исследовательских программ в рамках классической парадигмы. Прежде всего выделяются теоретические концепции, объединяющие неортодоксальные модели марксистской политической экономики с характерным для меркантилизма подходом к экономике как к системе, построенной на прямом взаимодействии политических и экономических субъектов. В рамках этих подходов такая взаимосвязь рассматривается как экзогенная характеристика национальной и мировой экономической систем капиталистического типа на всех этапах её развития. Примером такой реактуализации классической парадигмы выступает мир-системный подход. Его содержание демонстрирует приверженность всем трём ранее выделенным принципам данной парадигмы.

Во-первых, в центре внимания представителей этой школы оказываются проблемы накопления и распределения общественного богатства в мировом масштабе. Й. Валлерстайн пишет в этой связи: «Мир-экономики» — это обширные неравные цепи из объединённых структур производства, рассечённые многочисленными политическими структурами. основополагающая логика состоит в том, что накопленная прибыль распределяется неравным образом в пользу тех, кто способен достичь различных видов временных монополий в рыночных сетях» [Валлерстайн, 1998. С. 115].

Во-вторых, в центре внимания оказываются взаимоотношения между агрегированными социальными сообществами: «Капиталистический мир-экономика — это система, основанная на стремлении накапливать капитал, на политическом влиянии на уровень цен (на капитал, потребительские товары и на труд) и на устойчивой поляризации с течением времени классов и регионов (центр-периферия)» [Валлерстайн, 2001. С. 403].

В-третьих, ключевая роль в накоплении общественного богатства и его перераспределении в пользу классов и всего населения стран «центра» отводится государству,

которое характеризуется как «наиболее подходящий институциональный посредник при установлении рыночных ограничений (квазимонополий в широком смысле слова) в пользу определённых групп» [Там же. С. 404].

С другой стороны, в рамках мир-системного подхода марксистская идея о центральной роли накопления капитала в развитии капитализма как мировой системы интегрируется с меркантилистскими подходами о том, что завоевание и удержание господства в последней обеспечивается взаимодействием политических и экономических субъектов. В наиболее развёрнутом виде данный подход получил развитие в концепции Дж. Арриги о системных циклах накопления капитала, построенных на соединении экономической власти капитала и военно-политической гегемонии определённых государств [Арриги, 2006]. При этом национальная принадлежность господствующих экономических и политических субъектов может не совпадать друг с другом. Так Дж. Арриги пишет, что «материальная экспансия первого (генуэзского) системного цикла накопления была организована и проводилась дихотомической структурой, состоявшей из аристократического территориалистского компонента (иберийского), который специализировался на обеспечении защиты и на стремлении к власти, и буржуазно-капиталистического компонента (генуэзского), который специализировался на покупке и продаже товаров и на стремлении к прибыли. Эти специализации дополняли друг друга, а их взаимовыгодность способствовала сближению и, пока выгода не кончилась, скрепляла воедино два гетерогенных компонента экспансионистской структуры отношениями политического обмена, в которых, с одной стороны, стремление территориалистского компонента к власти создавало выгодные торговые возможности для капиталистического компонента, а с другой стороны — стремление последнего к прибыли укрепляло эффективность и действенность аппарата защиты, созданного территориалистским компонентом» [Арриги, 2006. С. 109]. Однако в последующих циклах накопления, особенно в британском и американском, соединяется экономическое преобладание капитала этих стран и военно-политическая гегемония соответствующих государств. Это означает, что в борьбе за власть над глобальной мир-системой конкурируют национальные политико-экономические системы.

В современной отечественной экономической науке разрабатывается во многом близкий к рассмотренному выше концепт, который продвигает идею о достигшем терминальной стадии кризисе мейнстрима и замещении его альтернативными подходами, базирующимися на классической политико-экономической парадигме [Толкачев, 2024]. С.А. Толкачев продвигает идею о преимуществах так называемой «конкурентной парадигмы», которая характеризуется им следующим образом: «“Конкурентная парадигма” как совокупность разнородных гетеродоксальных течений экономической мысли (наиболее объединяющим направлением является, пожалуй, набирающий популярность неомеркантилизм) онтологически рассматривает международные обмены как игру с «ненулевой суммой», а гносеологически допускает гораздо большее влияние на экономические ценности культурных факторов. Конкурентная гетеродоксальная парадигма обретает циклическую популярность на производственной стадии технологического развития и соответствующей протекционистской стадии мирохозяйственного развития. В этот период актуальна общественная потребность в развитии национальной производственной базы на территории страны в ходе освоения технологий новой промышленной революции» [Толкачев, 2024. С. 16]. С точки зрения комбинирования элементов различных исследовательских программ в рамках реактуализированной классической парадигмы речь идёт об интеграции базирующихся на эволюционных подходах марксистской политэкономии концепциях технологических и мирохозяйственных укладов с неомеркантилизмом. В свою очередь, неомеркантилизм является современной экономической политикой, делающей акцент на государственном вмешательстве с целью накопления национального богатства и достижения мощи посредством торговли. «Он имеет сходство с историческим меркантилизмом,

выступая за такие меры, как стимулирование экспорта, ограничение импорта и контроль над потоками капитала, часто с целью достижения положительного сальдо торгового баланса»². Конкурентная парадигма в этой связи выступает как обоснование необходимости перехода в рамках глобальной экономики к взаимоотношениям, построенным на конкуренции и кооперации национальных экономик, организованных как интегрированные политико-экономические системы.

Конкурентная парадигма характеризуется возвратом в модифицированной форме к меркантилизму как исходному пункту развития классической парадигмы политической экономики. Это проявляется в следующих пунктах:

I. В *рассмотрении политических субъектов как одного из системообразующих элементов экономической системы*. Как известно, государство в рамках меркантилизма выступало в двух ролях:

во-первых, как заказчик, реализующий институциональный проект формирования национальной экономики с предпринимателями как ведущими экономическими субъектами, поскольку «до эпохи меркантилизма существовали несвязанные друг с другом мировые и локальные рынки» [Поланьи, 2002. С. 79]. Возникла необходимость централизованного государственного вмешательства для создания капиталистических рынков;

во-вторых, как координатор, обеспечивающий её функционирование как экономики «общего дела». Как отмечал У.Р. Аллен: «Для меркантилистской экономической мысли — особенно в континентальной Европе — было характерно представление о том, что для организации экономики, установления экономической дисциплины и экономического руководства, разрешения общественного конфликта интересов и достижения гармонии между индивидуальными и общественными целями необходимо, чтобы частное предпринимательство ограничивалось и направлялось, в первую очередь правительством, а не ценовой системой свободного рынка» [Аллен, 2004. С. 552].

II. В *практико-ориентированности*. Меркантилисты выступали не столько в качестве теоретиков, сколько «консультантов-администраторов» и «памфлетистов», которые обосновывали проекты развития в интересах национального государства и предпринимателей [Шумпетер, 2001. С. 204]. При этом национальные государства стремились как к богатству (изобилию), так и к военной мощи, иногда рассматривая их как взаимосвязанные, а иногда и как конкурирующие цели внешней политики [Viner, 1948].

В этой связи показательно, что представители конкурентной парадигмы во многом разделяют идеи «продуктивизма» Д. Родрика, сформулировавшего «трёхмерный символизм новой парадигмы — производство, работа, локализация — который должен заменить символизм отжившей свой век неолиберальной парадигмы — финансы, потребление, глобализация» [Толкачев, 2024. С. 12]. Данный автор, будучи экономистом-теоретиком, выступает прежде всего в качестве современного консультанта-администратора, формулирующего набор предложений по изменению характера национальной экономики США и принципов её взаимоотношений с другими субъектами глобальной экономики.

Переход в рамках классического политико-экономического анализа к исследованию многоуровневого взаимодействия экономических и политических субъектов, в том числе на индивидуальном и групповом уровне, потребовал расширения научного инструментария. В этом плане показателен подход французской «теории регуляции» как одного из современных вариантов марксистской политической экономики. В его рамках была признана необходимость создания промежуточных понятий, которые «позволяют переходить от самой высокой абстракции к теоретическим идеям, дающим возможность оперировать

² Adams A., Benham F. (2025). Modern Mercantilism: Trade, Technology, and Strategic Power in the 21st Century. MEKETA. Global Macroeconomic Research Series. URL: https://meketa.com/wp-content/uploads/2025/06/MEKETA_Modern-Mercantilism-Newsletter.pdf (access date: 12.08.2025).

с данными опросов или с прямыми фактами жизни актёров социальной драмы» [Буайе, 1997. С. 77]. Поэтому «исследователи проблем регуляции исходят из холистской концепции общественной связи и в то же время не отрицают необходимости чёткого определения тех опосредствующих факторов, которыми определяется коллективное и индивидуальное поведение» [Там же. С. 79]. В центре их внимания находятся проблемы механизмов, обеспечивающих долгосрочные возможности накопления в условиях объективно присущих капитализму противоречий. В разные исторические периоды и на разных территориях этот процесс объективно приобретает различные формы. В этой связи в рамках «теории регуляции» вводится понятие структурной (или институциональной) формы, одним из компонентов которой выступает «форма государства». При этом регуляционисты исходят из того, что «происхождение институциональных форм связано с драматическими эпизодами истории, структурными кризисами, войнами, открытыми столкновениями между классами или социальными группами» [Там же. С. 10]. Эти формы являлись результатом разрешения конфликтов между социальными группами через достижение взаимовыгодных «институционализированных компромиссов», заключаемых между конфликтующими социальными группами. Государство, и в целом политическая власть, рассматриваются как вектор наиболее значимых компромиссов в масштабе всего общества.

В рамках отечественной традиции марксистской политической экономии примером интеграции традиций классической парадигмы с моделями и инструментарием различных направлений современной экономической теории является концепция «экономики власти» В.В. Дементьева [Дементьев, 2003; Дементьев, 2004]. Данная теоретическая концепция базируется на фундаменте не только марксистской политэкономии, но и диалектической логики в её классическом гегелевском варианте. При этом подход Дементьева интегрируется не только с моделями ряда направлений гетеродоксальной экономической теории, но и расширенного мейнстрима. Так, поскольку экономика рассматривается как система социального взаимодействия, в котором социальные, политические и экономические институты «имеют значение», экономический подход дополняется социетальным, что предполагает использование методов традиционного (оригинального) институционализма и современной экономической социологии. Кроме того, автор использует «модель рационального выбора (в модифицированном виде, представленном в неинституциональных теориях) и основанный на её применении экономический инструментарий: издержки, рациональное поведение, равновесие, эффективность, трансакционные издержки, оппортунистическое поведение и пр.; вместе с тем поведенческая модель, используемая в работе, по ряду параметров отличается как от традиционной неоклассической, так и от неинституциональной модели; модель рационального выбора дополнена условиями неравенства агентов, участвующих в обмене, и ограниченной добровольности этого обмена» [Дементьев, 2004]. Экономическая система рассматривается как система власти, поскольку участники взаимодействия на всех уровнях, включая государство как сферу такого взаимодействия и его агент, обладают разным властным ресурсом. Соответственно, одни субъекты подчиняются другим, неся издержки в его пользу. В каждой экономике формируется интегрированное «поле власти», которое задаёт рамки экономического поведения как отдельных агентов, так и экономической системы в целом. Данная система характеризуется распределением власти, иерархией власти и равновесием власти.

Экономика власти сохраняет общую тенденцию реактуализации классической парадигмы политической экономии к практико-ориентированности. Это выражается в поиске подходов для превращения её в инженерную науку, способную выработать рекомендации по формированию в национальной экономике «общественно необходимого порядка власти», обеспечивающего её эффективное развитие.

Подводя итоги проведённого анализа, можно выделить следующие тенденции реактуализации классической парадигмы политической экономии:

Движение в модифицированной форме к её меркантилистским основаниям, что выражается, с одной стороны, в интернализации анализа взаимодействия политических и экономических субъектов как элементов единой политико-экономической системы. С другой стороны, происходит переход к практико-ориентированности, к разработке рекомендаций по повышению конкурентоспособности национальной экономики и обеспечению её «технологического» суверенитета. Всё это сопровождается расширением научного инструментария исследований путём использования моделей не только различных направлений гетеродоксальной экономической теории, но и расширенного мейнстрима.

Движущей силой развития экономической науки является возникновение гололомок, которое, в свою очередь, обусловлено предложением решений прежних загадок и переводом актуальной проблематики на её язык. Однако барьеры на пути дальнейшего развития определяются наличием таких аспектов, как общее для экономистов базовое мировоззрение и ограничения, налагаемые наличием конвенций, принятых в системе социальных наук [Ward, 1972. P. 31]. Появление неоклассической парадигмы политической экономики было обусловлено коренными изменениями, связанными с отделением экономики от других социальных наук, особенно от экономической истории и социологии (процессы десоциализации и деисторизации) [Milonakis, Fine, 2009]. Основой подобных изменений выступила маржиналистская революция и последующий переход от классической политической экономики к неоклассической экономической теории (хотя маржинализм не ознаменовал собой конец попыток сохранить связь между «экономическим» и «неэкономическим»).

Неоклассическая парадигма политической экономики: расширенный мейнстрим и новая политическая экономика

Неоклассическая парадигма политической экономики является результатом научной революции, которая определяется как маржиналистская. Она связана с возникновением нового способа мышления, впервые введённого для описания поведения потребителей, а затем ставшим «объединяющим принципом экономического мышления»³. В отличие от классической политической экономики, ориентированной на производство, «маржиналистская революция» и возникшая неоклассическая школа сосредоточились на оптимальном распределении заданных факторов производства в фиксированный момент времени среди конкурирующих возможностей их использования, причём «оптимальное» означало обеспечение максимального удовлетворения потребителей. При этом анализ изменения предпочтений и развития технологий, роста населения и других факторов считался не имеющим отношения к экономическому анализу. При постоянных потребностях и обеспеченности ресурсами было корректно предположить, что предельная полезность потребления постоянно снижается и предельная полезность каждого фактора производства, при прочих равных условиях, также снижается. В соответствии с этим принципом всегда существует равновесие спроса и предложения, а также производства и потребления, которые рассматриваются как фактор конечного спроса, подразделяющегося на государственное и частное потребление.

Маржиналистская революция относится к существенному сдвигу в экономической науке, когда экономисты отошли от классического акцента на изучении стоимости производства и вместо этого стали подчёркивать субъективную ценность, которую люди придают предельной полезности товаров и услуг. Этот сдвиг подтверждает, что ценность не присуща

³ Ning D. (2016). Rethinking the “Marginal Revolution” in the History of Economic Thought: A Brief Examination of the Marginal Utility Theory Before and in the 1870s. Electronic theses and dissertations. Denver University. URL: <https://digitalcommons.du.edu/etd/1106/> (access date: 15.08.2025).

продукту, а определяется субъективным восприятием его полезности. Развитие маржинализма помогло лучше объяснить человеческую рациональность, человеческие действия и субъективную оценку. По замечанию С. Кларка, «маржиналистская революция в экономике провозглашается экономистами как теоретическая революция, освободившая политическую экономию от внешних политических соображений, и тем самым положившая начало современной “научной” экономической теории» [Clarke, 1991. P. 182]. Представители маржиналистской революции предложили рациональные решения новых проблем, поставленных перед государством обострением противоречий капиталистического накопления, расширением самостоятельности рабочего движения, растущей монополизацией капитализма.

Иными словами, в течение столетия после А. Смита экономическая наука развивалась в соответствии с основополагающей идеей о том, что она изучает богатство наций, рост, доходы и международную торговлю. Однако в период 1870–1900 гг. произошёл радикальный поворот, который значительно изменил экономическую науку. Маржиналистская революция ознаменовала собой важный момент в экономической мысли, перейдя к подходу, подчёркивающему индивидуальный выбор и рыночное равновесие. Экономическая наука становится универсальной и под влиянием позитивистской идеологии принимает математику в качестве предпочтительного языка для выражения своих методов [Becchetti, Bruni, Zamagni, 2020]. Основное внимание экономистов теперь было сосредоточено не на богатстве наций, а на поведении отдельного человека. От анализа системы в целом, включающей в себя труд, богатство, развитие и торговлю, внимание сместилось к анализу индивидуального поведения, включающего выбор, индивидуальную полезность и предпочтения. Именно поэтому название науки изменилось с политической экономии, что было обусловлено общественным характером предмета, на экономику, или науку о выборе.

Когда экономисты начали использовать язык математики, это имело два основных последствия. С одной стороны, вследствие технической терминологии (дифференциального и интегрального исчисления), которую экономисты стали использовать в своих трудах, произошло постепенное разделение экономистов и политических философов. С другой стороны экономика стала всё больше походить на естественные науки, такие как физика, и дистанцировалась от своих философских истоков.

По сути, основы подхода неоклассической экономической теории были заимствованы из естественных наук. Этот приём был использован в попытке повторить их успех в объяснении окружающего мира и таким образом превратить политическую экономию в «точную» науку — экономику. Новая парадигма должна была стать легитимной доктриной для обоснования существующего положения дел как универсального, естественного и гармоничного. Ранние неоклассики использовали математический формализм физики, заимствовали её модели и в большинстве случаев признавали этот факт. В частности, Л. Вальрас утверждал, что «чистая теория экономики — это наука, во всех отношениях похожая на физико-математические науки» [Walras, 1954. P. 71]. Он жёстко придерживался той позиции, что чистая теория экономики рассматривала отношения между людьми и вещами (то, что он называл «промышленностью») научным способом, в то время как отношения между людьми (называемые «институтами») были объектом изучения социальной экономики, использующей ненаучные методы. Л. Вальрас исключил права собственности и классовые конфликты из круга вопросов, которыми должна заниматься экономика. Иными словами, социальное окружение индивида, институты и общественные производственные отношения не подлежали исследованию во имя беспристрастности и объективности. Он абстрагировал чистую экономическую теорию от реальности и создал идеальный рынок с идеальными ценами, которые находятся в точном соотношении с идеальным спросом и предложением. Таким образом, неоклассическая экономическая теория как чистая наука была освобождена от социального и политического взаимодействия («окружения») в рамках систем политической экономии.

Подобное состояние «чистой экономической науки» позволило Л. Роббинсу сделать следующее замечание: «Усилия экономистов за последние сто пятьдесят лет привели к созданию ряда обобщений, точность и важность которых могут быть оспорены лишь невеждами. Однако они не достигли единодушия относительно конечной сущности общего предмета этих обобщений. В целом, нехватка средств для достижения поставленных целей — вот практически повсеместное условие человеческого поведения. Таким образом, единство предмета экономической науки состоит в формах, которые принимает человеческое поведение при распоряжении ограниченными средствами. Экономическая теория — это наука, изучающая поведение человека как взаимосвязь между целями и ограниченными средствами, имеющими альтернативное применение» [Robbins, 1932. P. 15]. Данное определение стало доминирующим в профессиональной экономической среде. Оно заложило основу, которую можно рассматривать в качестве как оправдания сужения экономической теории до теории максимизации и рационального выбора, так и проникновения экономистов в другие области социальных наук.

Данное определение также является конвенциональным среди экономистов, которые в своих исследованиях придерживаются допущений, сформировавших «основное течение», или «мейнстрим». Его многие основополагающие модели и убеждения основаны на концепциях, связанных с редкостью, ролью государственного регулирования, влияющего на решения хозяйствующих субъектов, концепцией полезности и идеей о том, что люди — рациональные субъекты, принимающие решения исключительно на основе имеющейся полной информации. Сравнительным преимуществом мейнстрима является возможность построения на высоком уровне абстракции, при отвлечении от множества конкретных факторов и исторических особенностей, «строгих» и «точных» теоретических моделей. Он следует теории рационального выбора, которая предполагает, что люди принимают решения, максимизирующие их собственную полезность, и использует статистику и математические модели для обоснования теорий и оценки различных экономических тенденций.

В своём влиятельном эссе «Методология позитивной экономической науки» М. Фридман отстаивает подход, согласно которому, главная цель теории — генерировать точные прогнозы, независимо от того, отражают ли её допущения реальность [Friedman, 1953]. Этот инструменталистско-эмпирический взгляд оказал глубокое влияние на экономическую науку, способствуя разработке моделей, которые могут быть неверны в своих допущениях, но оцениваются прежде всего по их предсказательной способности. Иными словами, неоклассическая экономическая теория не обязательно отражает реальные процессы принятия решений отдельными домохозяйствами или фирмами, если она достаточно хорошо предсказывает их поведение, чтобы быть полезной для разработки политики или проведения анализа. Этот акцент на прогнозировании во многом сформировал современную экономическую теорию, приведя к распространению абстрактных моделей, стремящихся к точности прогнозов, не заботясь о реалистичности своих предположений. Высокая степень абстрагирования от социального контекста экономического действия привела к появлению уникального именно для экономической науки противоречия между точностью и достоверностью.

Подобный «чистый» инструментальный подход к экономической теории сопряжён со значительными рисками. Отдавая приоритет прогнозированию, а не пониманию, инструментализм превращает экономическую науку в «чёрный ящик», предоставляющий полезные прогнозы без объяснения их истинности. Чёрный ящик — это система, внутренние механизмы которой непрозрачны, а результаты можно наблюдать, но не до конца понимать⁴. В этом контексте экономические модели могут предоставлять политикам

⁴ Olschwang C.R. (2024). A Critique of Black Box Economics. Mises Institute. URL: <https://mises.org/mises-wire/critique-black-box-economics> (access date: 18.08.2025).

и аналитикам прогнозы относительно инфляции, безработицы или рыночных тенденций, но они мало что дают для понимания причинно-следственных механизмов, порождающих эти результаты. С точки зрения научного реализма теория ценна не только тем, что предсказывает будущие события, но и тем, что объясняет, почему эти события происходят, проливая свет на причинно-следственные связи, лежащие в основе наблюдаемых явлений. Модели, которые ставят прогноз выше понимания, могут хорошо работать в определённых контекстах, но не срабатывать при применении в новых ситуациях. По замечанию Т. Эггертссона, «мейнстрим оперирует моделями, предполагающими неявно наличие набора идеализированных правил, регулирующих рыночный обмен» [Эггертссон, 2001. С. 18].

Как следствие, мейнстриму присущи определённые ограничения/недостатки (изъяны), особенно упрощённый взгляд на человеческое поведение и игнорирование социальных и институциональных факторов. При этом чрезмерная опора на математические модели и стремление к равновесию часто не отражают сложности и неопределённости реального мира. Например, государство может существовать, но только при строго ограниченных условиях. Оно несёт ответственность за поддержание правовой основы совершенно конкурентной экономики и предоставление определённых общественных благ, таких как оборона, оптимальный объём производства которых не может быть достигнут исключительно рыночными операциями. В случаях отклонений от совершенной конкуренции ожидается, что государство будет использовать налоги, субсидии или, в случае государственных предприятий, свою власть для имитации механизма совершенного рынка, устанавливая цену равной предельным издержкам [Lydall, 1998. P. 155]. В этом смысле неоклассический мейнстрим не способен в полной мере решить ряд вопросов, связанных с функционированием иерархических структур и использованием такого специфического ресурса, как «власть».

Проникновение микроэкономического анализа в сферу социального взаимодействия предполагает, что существует размытая граница между экономическими и политическими интересами/предпочтениями отдельных субъектов. Изучение взаимосвязи политики и экономики подразумевает использование допущений о доминировании в деятельности политиков индивидуального интереса [Conybeare, 1982; Hirshleifer, 1985]. Иными словами, микроэкономический анализ их поведения фокусируется на понимании того, как они принимают решения, следуя своим индивидуальным мотивам, предпочтениям и ограничениям [Burkitt, Spiers, 1983]. Он нацелен на исследование того, как политики реагируют на стимулы, включая давление на выборах, влияние групп интересов и стремление к карьерному росту. При этом основным предположением является то, что они, как и индивиды в других областях, считаются рациональными субъектами, которые стремятся максимизировать свою собственную полезность, включая переизбрание, политическое влияние или личную выгоду [Mulligan, Tsui, 2015]. В целом в рамках «экономической теории политики» политическая организация общества становится эндогенной по отношению к осуществлению рационального выбора, и её параметры можно моделировать наряду с экономическими переменными, включая анализ конкуренции между группами специальных интересов и максимизацию полезности в иерархических структурах.

В этой связи отдельный интерес представляет природа государства не только как политической организации общества, но и как сферы взаимодействия (конкуренции) ограниченно рациональных субъектов в рамках процесса принятия политических решений. Следуя веберовской традиции, Д. Норт концептуализирует государство как организацию с монополией легитимного осуществления насилия на данной территории [North, 1981]. С его точки зрения, государство является самой могущественной организацией в обществе. При этом общество должно решить фундаментальную проблему обеспечения социального порядка. Обеспечение порядка и выступает основной функцией государства. Это требует, чтобы оно обладало принуждающей силой. Однако, если у государства есть

принуждающая сила, то те, кто управляет им, могут использовать эту силу в своих интересах за счёт остального общества. Таким образом, государство возникает как организация со специализацией на использовании насилия и обладает двойственной природой: как субъект установления и поддержания социального порядка, и как субъект принуждения и угнетения.

Важно отметить, что принуждающая сила государства выступает объектом конкуренции между индивидами, стремящимися максимизировать свою частную выгоду. Однако, во-первых, они не всегда могут достичь своих собственных целей, действуя самостоятельно («в одиночку»). Рациональным выбором для них выступает объединение с другими индивидами, чьи интересы совпадают с их собственными, чтобы добиться достижения индивидуальных целей. Во-вторых, данный процесс подразумевает поиск каналов доступа к ресурсам, которые невозможно получить на конкурентных экономических рынках. В этой связи взаимодействие множества групп интересов отражает существование распределительных коалиций в обществе, которые стремятся формировать и контролировать распределение ресурсов в интересах своих участников [Olson, 1982].

М. Олсон выделяет группы со всеохватывающими интересами, которые обладают значимым стимулом для достижения благосостояния общества в целом, и группы с корыстными (узкими) интересами, стремящиеся к такой политике, которая обеспечивает прямые выгоды для их членов, даже если она наносит вред экономике или другим группам. Для иллюстрации действий данных групп М. Олсон использует модели «кочевого и осёдлого бандита». «Если кочевой бандит грабит деревню, он берет всё. Но если осёдлый бандит грабит деревню, он возьмет столько, сколько может, не уничтожая свой источник будущего дохода. Этот бандит установит налоговые ставки на уровне, который максимизирует его доходы; поскольку ВВП падает по мере роста налогов, он максимизирует свой доход по налоговой ставке, намного ниже, чем 100%. Более того, осёдлый бандит найдёт в своих интересах финансирование определённых общественных благ для продвижения внутреннего роста, что ещё больше увеличивает его доходы. Это другая невидимая рука: у автократов есть стимулы для производства общественных благ, даже если у них нет реального намерения, кроме хищничества» [Олсон, 2012. С. 34-38]. В этом смысле кочевой бандит обладает узким интересом, в то время как осёдлому бандиту присущ всеохватывающий интерес.

Несмотря на наличие групп со всеохватывающими интересами, конкуренция между ними значительно уменьшает способность государства реагировать на общественные потребности с помощью политики, которая была бы экономически рациональна. Как правило, это непоследовательная и обременительная политика, искажающая экономическое взаимодействие и порождающая неэффективность по причине чрезмерного регулирования. Отсутствие конкретных санкционных механизмов, ограничивающих масштаб конкуренции, порождает «большое правительство» и искажает «естественное» функционирование рынка. Бьюкенен, Толлисон и Таллок отмечают в этой связи: «Пока действия правительства ограничиваются в основном, если не полностью, защитой индивидуальных прав и имущества, обеспечением соблюдения добровольно заключённых частных контрактов, в экономическом поведении доминирует логика рыночного процесса... Однако если действия правительства значительно выходят за рамки, определённые функциями минималистского государства и государства защищающего, то тенденция к размыванию ренты встречает отпор и может быть вскоре блокирована» [Buchanan, Tollison, Tullock, 1980. P. 9].

Для исправления подобной ситуации, необходимо жёстко ограничивать деятельность политиков и формировать положительный образ государства. По замечанию Э. Гэмбла, «в настоящее время современная политическая экономия охватывает большое количество различных методологий и теоретических подходов, от моделей рационального выбора политического агентства до институциональных исследований социально-экономических

структур» [Gamble, 1995. P. 516]. Развитие новых исследовательских программ в ответ на изменения в идеологических, политических и социальных параметрах экономических систем создали возможность для появления новой политической экономии, объединяющей методологические и теоретические подходы, которые долгое время использовались раздельно. Дж. Бьюкенен отмечает, что «в континентальной Европе в рамках набора “новая политическая экономия” выделяют: 1) теорию общественного выбора, на базе которой возникла конституциональная экономическая теория; 2) экономическую теорию прав собственности; 3) экономический анализ права; 4) политическую экономию государственного регулирования; 5) неинституциональную экономическую теорию; 6) новую экономическую историю» [Бьюкенен, 2004. С. 171].

Интеллектуальные истоки данных подходов и концепций различны, однако все они движимы неудовлетворительным состоянием существующих теоретических представлений о взаимосвязи между политикой и экономикой. Изменение политической повестки в 1970–1980-х гг. придало значительный импульс развитию школы общественного выбора и применению экономических методов к анализу политических явлений и процессов. Это также способствовало введению проблематики политической экономии в научные дебаты посредством критики неоклассической экономической теории и предложения альтернативного режима проведения анализа и поиска нормативного идеала для организации отношений между государством и рынком. В данном случае речь идёт о том, чтобы разработать адекватные микрооснования для политической экономии, предоставив объяснения, ориентированные на субъектов, которые делают реалистичные предположения о структурных альтернативах и институтах. В этой связи значимой составляющей новой политической экономии выступает разработка теоретических и эмпирических рекомендаций по формированию альтернативных институциональных механизмов принятия политических решений [Besley, 2007. P. 578].

Поиск альтернативных структур политического выбора позволяет уйти от так называемой институциональной нирваны. Г. Демсец отмечает: «Точка зрения, которая в настоящее время преобладает в экономической теории государственной политики, неявно представляет собой соответствующий выбор между идеальной нормой и существующим “несовершенным” институциональным устройством. Этот подход нирваны существенно отличается от сравнительного институционального подхода, в котором соответствующий выбор делается между альтернативными реальными институциональными соглашениями» [Demsetz, 1969. P. 1-2]. Уход от институциональной нирваны необходим для того, чтобы обеспечить примат позитивного анализа над нормативным. По нашему мнению, серьёзным недостатком получивших широкое признание подходов к изучению взаимосвязи экономики и политики — междисциплинарной концепции порядков Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011] и модели инклюзивных и экстрактивных институтов [Асемоглу, Робинсон, 2015; Acemoglu, Johnson, 2023] является то, что они во многом носят нормативный характер. Порядок открытого доступа и система инклюзивных политических и экономических институтов выступают в значительной степени в качестве универсальных идеальных моделей и укладываются в рамки институциональной нирваны.

Подводя итоги проведённого анализа, можно выделить следующие положения неоклассической парадигмы политической экономии:

во-первых, она характеризует её как науку о максимизации полезности отдельными индивидами не только на экономических рынках, но и в политической сфере, характеризующейся наличием такого специфического ресурса, как «власть» в форме легитимного насилия. При этом они выступают как совершенно/ограниченно рациональные агенты, которые делают выбор в условиях полноты/асимметрии информации;

во-вторых, она анализирует экономическое поведение индивидов в контексте их принадлежности к групповым интересам. Групповые интересы могут быть как узкими (рентоориентированными), так и всеохватывающими. Всеохватывающие интересы определяют

степень соответствия интересов группы благосостоянию всего общества. Группы со всеохватывающими интересами более склонны учитывать широкие социальные последствия своих действий, что приводит к более эффективным и менее пагубным результатам для экономики в целом;

в-третьих, она рассматривает государство (политическую организацию общества) как сферу, в которой отдельные индивиды и группы интересов реализуют свои предпочтения посредством конкуренции за доступ к распределению ресурсов (в том числе — к легитимному насилию), недоступных в рамках добровольного обмена на экономических рынках.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о формировании предметного поля и инструментария современной политической экономики. Она выступает как поле, на котором представлено множество теоретических концепций, базирующихся на двух конкурирующих парадигмах политической экономики: реактуализированной классической и неоклассической. Это означает, что современная политическая экономика включает в себя как модернизированную классическую политическую экономию, так и развивающуюся в рамках расширенного мейнстрима новую политическую экономию. При этом можно говорить не только о конкуренции, но и взаимодополнении этих направлений. В результате в настоящее время можно сделать вывод о том, что их объединяет не только объект, но и частично предмет исследований. Последнее выражается в том, что в защитных оболочках исследовательских программ, принадлежащих двум парадигмам современной политической экономики, присутствуют идентичные или близкие по содержанию компоненты.

Так, в современной политической экономике преодолевается разрыв между исследованием экономики и политики. Взаимодействие политических и экономических субъектов рассматривается в контексте их принадлежности к интегральной политико-экономической системе. Новое направление ориентируется на широкое использование в рамках политико-экономических исследований социологического инструментария и эконометрических моделей. Большое значение приобретает практико-ориентированность. Это выражается в активном использовании теоретических моделей для разработки и продвижении нормативных предложений по формированию эффективных альтернатив организации политико-экономического взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аллен У.Р. (2004). Меркантилизм [Allen W.R. (2004). Mercantilism] // *Экономическая теория*. — М.: ИНФРА-М. С. 542–552.
- Арриги Дж. (2006). Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени [Arrighi G. (2006). *The Long Twentieth Century. Money, Power, and the Origins of Our Times*]. — М.: «Территория будущего».
- Асемоглу Д., Робинсон Дж. (2015). Экономические истоки диктатуры и демократии [Acemoglu D., Robinson J.A. (2015). *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*]. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Блауг М. (2004). Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют [Blaug M. (2004). *The Methodology of Economics, or How Economists Explain*]. — М.: НП «Журнал Вопросы экономики».
- Буайе Р. (1997). Теория регуляции: Критический анализ [Boyer R. (1997). *Regulation Theory: A Critical Analysis*]. — Пер. с франц. Н.Б. Кузнецовой. — М.: Наука для общества.
- Бузгалин А., Колганов А. (2005). Политическая экономия постсоветского марксизма (тезисы к формированию научной школы) [Buzgalin A., Kolganov A. (2005). *Political Economy of Post-Soviet Marxism (Theses for the Formation of a Scientific School)*] // *Вопросы экономики*. № 9. С. 36–55. DOI: 10.32609/0042-8736-2005-9-36-55
- Бьюкенен Дж. (2004). Конституциональная экономическая теория [Buchanan J. (2004). *Constitutional Economics*] // *Экономическая теория* / Под ред. Дж. Итуэлла и др. Научн. ред. В.С. Автономов. — М.: ИНФРА-М. С. 167–178.
- Валлерстайн И. (1998). Миросистемный анализ [Wallerstein I. (1998). *World-system analysis*] // *Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике*,

- анализу мировых систем и цивилизаций. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. — Новосибирск. С. 105–123.
- Валлерстайн И. (2001). Анализ мировых систем и ситуация в современном мире [Wallerstein I. (2001). *Analysis of world systems and the situation in the modern world*] / Под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого⁵. — СПб.: Изд-во «Университетская книга».
- Дементьев В.В. (2004). Экономическая власть и институциональная теория [Demytyev V.V. (2004). *Economic power and institutional theory*] // *Вопросы экономики*. № 3. С. 50–64. DOI: 10.32609/0042-8736-2004-3-50-64
- Дементьев В.В. (2003). Экономика как система власти [Demytyev V.V. (2003). *Economy as a system of power*]. — Донецк: Каштан.
- Клисторин В.И. (2014). Классическая политическая экономия и современность [Klistorin V.I. (2014). *Classical political economy and modern times*] // *Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки*. Т. 14. Вып. 2. С. 118–126.
- Кун Т. (2003). Структура научных революций [Kuhn T. (2003). *The Structure of Scientific Revolutions*]. — М.: «АСТ».
- Лакатос И. (2008). История науки и её рациональные реконструкции [Lakatos I. (2008). *History of Science and its Rational Reconstructions*] // *Избранные произведения по философии и методологии науки*. — М.: Академический Проект; Трикста. С. 201–281.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества [North D., Wallis J., Weingast B. (2011). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*]. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Олсон М. (2012). Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры [Olson M. (2012). *Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships*]. — М.: Новое издательство.
- Поланьи К. (2002). Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени [Polanyi K. (2002). *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*]. — СПб.: Алетейя.
- Смит А. (2007). Исследование о природе и причинах богатства народов [Smith A. (2007). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*]. — М.: Эксмо.
- Толкачев С.А. (2024). Циклические закономерности трансформации экономической ортодоксии [Tolkachev S.A. (2024). *Cyclical patterns of transformation of economic orthodoxy*] // *Terra Economicus*. Т. 22. № 3. С. 6–20. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-3-6-20.
- Шумпетер Й.А. (2001). История экономического анализа [Schumpeter J.A. (2001). *The History of Economic Analysis*]. — СПб.: Экономическая школа.
- Эггертссон Т. (2001). Экономическое поведение и институты [Eggertsson T. (2001). *Economic behavior and institutions*]. — М.: Дело.
- Ядгаров Я.С. (2018). Классическая политическая экономия через призму исследовательской парадигмы К. Маркса в его книге «Капитал» (к 200-летию со дня рождения К. Маркса) [Yadgarov Ya.S. (2018). *Classical political economy through the prism of the research paradigm of K. Marx in his book «Capital» (on the 200th anniversary of K. Marx's birth)*] // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. Т. 8. № 1. С. 57–64. DOI: 10.26794/2226-7867-2018-7-1-57-64.
- Acemoglu D., Johnson S. (2023). *Power and Progress: Our Thousand-Year Struggle Over Technology and Prosperity*. — New York: PublicAffairs.
- Becchetti L., Bruni L., Zamagni S. (2020). *Economics: What it studies, with what methods, and how it evolved* // *The Microeconomics of Wellbeing and Sustainability: Recasting the Economic Process*. — London: Academic Press. Pp. 1–49. DOI: 10.1016/B978-0-12-816027-5.00001-X.
- Besley T. (2007). The New Political Economy // *The Economic Journal*. Vol. 117. Pp. F570–F587. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2007.02097.x.
- Buchanan J.M., Tollison R.D., Tullock G. (1980). *Toward a Theory of the Rent-Seeking Society*. — College Station: Texas A&M Press.
- Burkitt B., Spiers M. (1983). The Economic Theory of Politics: A Re-appraisal // *International Journal of Social Economics*. Vol. 10. No. 2. Pp. 12–21. DOI: 10.1108/eb013930.
- Clarke S. (1991). The Marginalist Revolution in Economics // *Marx, Marginalism and Modern Sociology*. — London: Palgrave Macmillan. Pp. 182–206. DOI: 10.1007/978-1-349-21808-0_6.
- Conybeare J. (1982). The Rent-Seeking State and Revenue Diversification // *World Politics*. Vol. 35. No. 1. Pp. 25–42. DOI: 10.2307/2010278
- Demsetz H. (1969). Information and Efficiency: Another Viewpoint // *The Journal of Law & Economics*. Vol. 12. No. 1. Pp. 1–22. DOI: 10.1086/466657.
- Friedman M. (1953). *Essays in Positive Economics*. — Chicago: The University of Chicago Press.
- Gamble A. (1995). The New Political Economy // *Political Studies*. Vol. 43. No. 3. Pp. 516–530. DOI: 10.1111/j.1467-9248.1995.tb00320.x

⁵ Признан Министерством юстиции РФ экстремистом и иностранным агентом.

- Hirshleifer J. (1985). The Expanding Domain of Economics // *American Economic Review*. Vol. 75. No. 6. Pp. 53–68.
- King J.E. (2013). A case for pluralism in economics // *Economics and Labour Relations Review*. Vol. 24. № 1. Pp. 17–31. DOI: 10.1177/1035304612474219.
- Lydall H. (1998). *A Critique of Orthodox Economics: An Alternative Model*. — London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230379879_10.
- Milonakis D., Fine B. (2009). *From Political Economy to Economics: Method, the social and the historical in the evolution of economic theory*. — London: Routledge.
- Mulligan C.B., Tsui K.K. (2015). Political entry, public policies, and the economy // *Research in Economics*. Vol. 69. No. 3. Pp. 377–397. DOI: 10.1016/j.rie.2015.06.004.
- North D. (1981). *Structure and Change in Economic History*. — New York: WW Norton & Co.
- Olson M. (1982). *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities*. — New Haven, CT: Yale University Press.*
- Robbins L. (1932). *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*. — London: Macmillan and Co.
- Stilwell F. (2016). Heterodox economics or political economy? // *World Economics Association Newsletter*. Vol. 6. No. 1. Pp. 2–6.
- Viner J. (1948). Power versus Plenty as Objectives of Foreign Policy in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // *World Politics*. Vol. 1. No. 1. Pp. 1–29.
- Walras L. (1954). *Elements of Theoretical Economics: Or, The Theory of Social Wealth*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Ward B. (1972). *What's Wrong with Economics?* — New York: Basic Books.

Левин Сергей Николаевич

levin.servey.n@gmail.com

Sergey Levin

Doctor of Science (Econ.), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

levin.servey.n@gmail.com

Саблин Кирилл Сергеевич

sablin_ks@mail.ru

Kirill Sablin

Cand. of Science (Econ.), Associate Professor, Russian State Institute of Performing Arts (Saint-Petersburg)

sablin_ks@mail.ru

COMPETING PARADIGMS WITHIN MODERN POLITICAL ECONOMY⁶

Abstract. The article is devoted to the comparative characteristics of classical and neoclassical paradigms within the framework of modern political economy, which is not an integrated concept based on uniform foundations, but it is a set of partially competing concepts. The authors identify their advantages and limitations. Classical paradigm characterizes political economy as a science of accumulation and distribution of national wealth. The economic behavior of individuals is analyzed in the context of their belonging to classes. State is considered as a structure whose utility functions reflect the economic interests of classes as well as a relatively independent arbiter of their coordination. On the other hand, neoclassical paradigm characterizes political economy as a science of utility maximization by individuals not only in economic markets but also in the political sphere, characterized by the presence of such resource as “power” in the form of legitimate violence. Their economic behavior is analyzed in the context of belonging to group interests, and state acts as a sphere in which individuals and interest groups realize their preferences through competition for access to resources that are not available within the framework of voluntary market exchange. In general, modern political economy includes both reactualized classical political economy and new political economy developing within the expanded mainstream. At the same time, one can say not only of competition, but also of the complementarity of these areas. It is noted that the protective belts of their research programs contain identical or similar components: overcoming the “gap” between the study of economics and politics; using sociological tools and econometric models; practice-oriented approach within the framework of elaborating normative proposals for the formation of effective options for organizing political and economic interaction.

Keywords: *paradigm, research program, scientific revolution, classical political economy, heterodox economic theories, expanded mainstream, new political economy.*

JEL: P51, P52.

⁶ The article is prepared according to the research results carried out at the expense of budgetary funds under the governmental assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation

* Йельский университет (США) признан нежелательной организацией в России.